

А.В. Кузнецов

Центр европейских исследований ИМЭМО РАН, Москва

Защита прав собственности и инвестиционный климат в России

Довольно часто при обсуждении недостатков инвестиционного климата в России указывают на слабую защиту прав собственности. Вместе с тем редко кто из инвесторов или экспертов углубляется в анализ данной проблемы и делает серьезные обобщения в масштабе всей России. Обычно ограничиваются лишь перечислением нескольких громких примеров неудачных инвестиционных проектов в нашей стране. Однако если изучить проблемы инвесторов, вокруг которых разгорался шум в прессе, то окажется, что помимо нарушения прав собственности существовали и другие причины возникновения сложностей с успешной реализацией капиталовложений.

Прежде всего следует отметить, что разные группы инвесторов предъявляют не одинаковые требования к инвестиционному климату. В зависимости от целей инвесторов и характера их капиталовложений на первое место у них выходят различные составляющие инвестиционного климата. В зависимости от доминирующих мотивов капиталовложений одних инвесторов в инвестиционном потенциале страны или региона привлекает емкость рынков, других – величина трудовых издержек, третьих – богатство природных ресурсов и т.д. По-разному воспринимают бизнесмены и инвестиционные риски, которые являются второй ключевой составляющей инвестиционного климата. Например, для портфельных инвесторов куда острее, чем для компаний, устанавливающих контроль над получающими их капитал предприятиями, стоит вопрос недостаточной защиты прав миноритарных акционеров. Лишь для инвесторов, покупающих акции на фондовом рынке, важна неразвитость данного института рыночной экономики в России, в частности, проблемы с использованием инсайдерской информации. Однако среди прямых инвесторов в совершенно разных условиях находятся российские участники и иностранные компании, а среди последних – фирмы с большим опытом ведения бизнеса в России и новички (Кузнецов, 2007, с. 78–92).

Также принципиально различаются возможности разных игроков отстаивать свои интересы в России при возникновении конфликтных ситуаций, в том числе при защите прав собственности. Нельзя не согласиться, что иностранные инвесторы, реализующие в России крупные проекты (с заметной для

власти имиджевой или политической ролью), часто оказываются в более благоприятных условиях по сравнению с местными предпринимателями, поскольку их меньше подвергают коррупционному и бюрократическому давлению (Иванов, 2012, с. 20). Однако в сравнении с иностранным средним бизнесом, который мог бы принести России необходимые технологии для модернизации во многие производственные ниши, где гигантские европейские и североамериканские ТНК слабее, отечественный сверхкрупный бизнес, напротив, оказывается в более выгодном положении с точки зрения собственности защиты от произвола чиновников.

Для ведущих российских компаний проблема защиты прав собственности оказывается не менее актуальной, нежели для малого и среднего бизнеса. Сомнительная модель приватизации, выбранная в 1990-е годы, с одной стороны, создала условия для быстрого формирования сверхкрупных интегрированных бизнес-групп, которые приобрели вследствие своего размера ряд дополнительных конкурентных преимуществ. В частности, это наглядно проявилось в стремительной экспансии российских компаний за рубежом, когда они в 2000-е годы обогнали по масштабам своих зарубежных прямых инвестиций большинство транснациональных корпораций развивающихся стран (Кузнецов, 2007, с. 174–175). С другой стороны, слабая степень легитимности новых отношений собственности породила жесткую зависимость благополучия «олигархов» от власти, крайне деформированный характер политических отношений в России в треугольнике «бизнес – государство – общество» (Перегудов, 2011, с. 255–322).

Нельзя забывать, что негативное отношение многих российских граждан к «олигархам» связано не только с их богатством, но и с их неэффективностью как собственников на фоне нарочитых трат получаемых от использования приватизированных активов денежных средств на предметы роскоши. Даже в тех случаях, когда сверхкрупный бизнес вкладывал значительные средства в модернизацию отечественных предприятий, он далеко не всегда представлял в глазах общественности в качестве грамотных управленцев. Достаточно вспомнить колоссальные размеры государственной помощи для ликвидации возникших в усло-

виях последнего финансово-экономического кризиса долговых проблем частных компаний, прежде всего российской черной металлургии (Адно, 2011, с. 27–33).

По сути, за решением проблемы защиты прав собственности скрывается более фундаментальная задача – уйти от деформированной экономической модели, созданной в России в последние два десятилетия. Приватизация 1990-х годов и последующие попытки нынешней власти сделать ее легитимной во многом проходили под знаком неоправданной веры в эффективность любого частного собственника как такового – «с самого начала радикальной трансформации российского (советского) общества от приватизации ожидали, что, задействовав механизм частнопредпринимательского интереса, она сможет обеспечить резкое повышение эффективности отечественной экономики» (Мау, 1998, с. 33). На деле либеральная экономика, которую якобы пытались построить в России реформаторы 1990-х годов, должна основываться на нескольких равнозначных базовых принципах – помимо частной собственности к ним относятся развитая конкуренция и свободное предпринимательство. Однако в нашей стране до сих пор существуют огромные препоны для предпринимательской инициативы граждан (причем барьеры как со стороны государства, включая коррумпированных чиновников, так и со стороны крупного бизнеса). Более того, российские реформаторы умудрились внедрить частную собственность без институтов имущественной ответственности, сделать «свободными» цены в условиях господства в ряде отраслей монополий или олигополий (Гутник, 2007, с. 410–411). В этой связи у многих российских граждан возникает закономерный вопрос: какую именно собственность надо защищать в России? В частности, это ярко проявляется в нынешних предвыборных дебатах: одни политики настаивают на масштабной национализации производственных активов, подразумевая под этим скорее конфискацию, тогда как их оппоненты предлагают в случае национализации выкупать государству активы по спекулятивным ценам фондового рынка, а не с учетом реальных вложений инвесторов. Ситуация осложняется тем, что споры разворачиваются не столько вокруг полученных нечестным образом конкретных активов, сколько вокруг любых крупных и более-менее процветающих в настоящее время компаний, при том что часть приватизированных сомнительным образом активов уже перепродана так называемым добросовестным инвесторам, в том числе и западным.

На этом фоне примечательно выглядят результаты опросов западных инвесторов, которые показывают их преимущественную озабоченность в России совсем другими проблемами инвестиционного климата. При анализе рисков ведения бизнеса в России помимо аспектов, связанных тугубо с внешнеэкономической деятельностью (запутанность таможенных правил, недостаточная гармонизация технических стандартов, сложности миграционного учета), западные инвесторы чаще всего называют риски, связанные с высоким уровнем коррупции и чрезмерной бюрократией в нашей стране. Например, в 2010 г. германские компании, входящие в число ключевых инвесторов в России, оценили важность борьбы с этими проблемами российского инвестиционного климата на уровне почти 3,8 балла из 4 возможных, тогда как снижение налогового бремени получило лишь 2,6 балла (Gesch ftsklima Russland, 2010, S. 5). Нельзя забывать, что взяточничество является одной из важных угроз правам собственности, поскольку в большинстве случаев эти права нарушаются не столько из-за недостатков российского законодательства, сколько из-за произвола конкретных чиновников.

К сожалению, мы пока не видим признаков решимости власти бороться в России с коррупцией. Достаточно сказать, что в нашей стране по-прежнему отсутствует один из самых эффективных методов – контроль соответствия доходов и расходов. При этом мы убеждены, что именно снижение уровня коррупции является в настоящее время ключевым направлением улучшения инвестиционного климата страны, повышения ее инвестиционного имиджа. Не случайно по мере реализации комплекса действительно положительных институциональных реформ в начале 2000-х годов отношение к инвестиционному климату в России мало менялось в лучшую сторону, поскольку отходившие на задний план проблемы еще ярче высвечивали издержки, связанные с разгулом взяточничества.

Литература

- Адно Ю.Л.** (2011). Мировая металлургия: выход из кризиса? // *Год планеты: ежегодник*. Вып. 2010. М.: Идея-Пресс. С. 21–33.
- Гутник В.П.** (2007). В каком хозяйственном порядке нуждается Россия? // *Социальное рыночное хозяйство / Под общ. ред. Р.М. Нуреева*. М.: ТЕИС. С. 406–415.
- Иванов И.Д.** (2012). Импорт и импортзамещение в России // *Мировая эконо-*

мика и международные отношения. №1. С. 15–21.

Кузнецов А.В. (2007). Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. М.: КомКнига.

Май В.А. (1998) Введение: экономические реформы и революция. В сб.: «Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991–1997». М.: ИЭПП.

Перегудов С.П. (2011) Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. М.: Российская политическая энциклопедия.

Geschäftsklima Russland (2010). 8. Umfrage des Ost-Ausschusses der Deutschen Wirtschaft und der Deutsch-Russischen Auslandshandelskammer.

Поступила в редакцию 08 февраля 2012 года

Б.А. Хейфец

Институт экономики РАН, Москва

Журнал НЭА
№1 (13), 2012
С. 168–171.

Меры улучшения инвестиционного климата: мировой опыт и российские реалии

Улучшение инвестиционного климата является центральной задачей для российской экономики. Об этом постоянно пишут российские и зарубежные эксперты, неоднократно заявляли российские государственные руководители. Важность решения этой задачи особо подчеркивалась на недавних авторитетных экономических форумах. Так, на инвестиционном форуме «Россия-12» (февраль 2012 г.) премьер-министр В.В. Путин подчеркнул, что «мы ставим задачу в ближайшие несколько лет войти в число стран с наиболее привлекательным деловым климатом... Нам нужно сделать 100 шагов вперед – подняться со 120-го на 20-е место по уровню ведения, по условиям ведения бизнеса» (Путин, 2012). Речь идет о рейтинге условий ведения бизнеса, которые с 2003 г. ежегодно оценивают специалисты Всемирного банка (ВБ) и Международной финансовой корпорации. Хотя эти рейтинги имеют некоторую субъективную составляющую, их признают все государства мира; они служат ориентиром в национальной экономической политике и учитываются иностранными инвесторами.

Перемещение на 100 мест – грандиозная задача, которую необходимо решить за 10 лет. При этом не следует забывать, что не менее грандиозные задачи в этой области ставят и другие страны, в том числе входящие в Единое экономическое пространство с Россией. Так, например, Казахстан ставит задачу к 2020 г. войти в число 50 стран с самым благоприятным инвестиционным климатом¹, а Беларусь – в число первых 30 государств. Положение данных стран в мировом рейтинге сейчас значительно лучше, чем у России.

Поэтому России для решения поставленных задач нужно не только догнать лидеров, но и идти к этой цели быстрее других государств.

В настоящее время лидером мирового Рейтинга-2012 по условиям ведения бизнеса является Сингапур. Вместе с ним в двадцатку «сильнейших», на место среди которых замахивается Россия, в рейтинге 2012 г. входят (в порядке убывания места в рейтинге): Гонконг, Новая Зеландия, США, Дания, Норвегия, Великобритания, Республика Корея, Исландия, Ирландия, Финляндия, Саудовская Аравия, Канада, Швеция, Австралия, Грузия, Таиланд, Малайзия, Германия, Япония.

Посмотрим, как за предыдущие 5 лет изменялись условия ведения бизнеса в России и в некоторых других странах, которые в 2007 г. находились примерно на одинаковом с Россией уровне (табл. 1). Большая часть представленных в таблице государств, включая все страны СНГ, добились определенного прогресса в улучшении инвестиционного климата. Особенно впечатляют успехи Беларуси (она поднялась в рейтинге на 60 мест), Азербайджана (поднялся на 33 места) и Казахстана (поднялся на 16 мест). Все эти страны в свое время входили в состав СССР. К ним можно добавить и Грузию, которая с 2007 г. шагнула с 37-го (в рейтинге 2006 г. она занимала еще только 112-е) на 16-е место в мире.

Конечно, можно уповать на то, что максимальных успехов в этом рейтинге за короткий период проще добиваться небольшим странам. Но тем строже нужно подходить и к поставленным В.В. Путиным целям в этой области. Цели должны быть более ре-

¹ Казахстану удалось это сделать уже в 2012 г.